

DOI: 10.19181/snsp.2020.8.4.7656

РАБОТНИКИ ВРЕДНЫХ ПРОИЗВОДСТВ: СРЕДОВЫЕ И ЛИЧНОСТНЫЕ ФАКТОРЫ АДАПТАЦИИ К СОЦИАЛЬНЫМ ИЗМЕНЕНИЯМ

А. Е. Зорина¹, А. В. Мозговая¹

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН.
117218, Россия, Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5

Для цитирования: Зорина А. Е., Мозговая А. В. Работники вредных производств: средовые и личностные факторы адаптации к социальным изменениям // Социологическая наука и социальная практика. 2020. Т. 8 № 4. С. 54–68. DOI: 10.19181/snsp.2020.8.4.7656

Аннотация. Объектом исследования, результаты которого анализируются в статье, являются работники ряда отраслей с вредным производством, где риски закреплены на законодательном уровне. Эту категорию принято называть «потребителями риска». Эмпирическую базу исследования составляют данные 27-й волны (2018 г.) «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)». Целью исследования было выявление факторов, которые так или иначе могут быть связаны и даже детерминировать стратегии взаимодействия с изменениями социальной среды работников вредных производств. В совокупности работников отраслей с вредными условиями труда формировались две целевые группы: работники, реально испытывающие вредное воздействие факторов риска и испытывающие условно — по факту работы в отрасли с вредным производством («реальные» и «условные» потребители риска).

Методический подход к анализу данных в статье строится на базовой установке респондентов по поводу стратегии поведения в ситуации навязываемого внешней средой риска. Определяется *преимущественная* стратегия поведения респондентов в каждой целевой группе. Дальнейший анализ посвящён выявлению признаков и факторов, которые могут объяснить тот факт, что «реальные потребители риска» преимущественно пассивные адаптанты, «условные потребители риска» — не просто активные, а активно-деятельные адаптанты. Главный вывод, который позволяет сделать анализ, состоит в том, что уровень адаптированности работников вредных производств в социальной среде и в сфере трудовой деятельности в большей мере, чем личностные факторы, влияет на выбор пассивного или активного поведения в ситуации навязанного средой риска.

Ключевые слова: вредное производство; адаптация; риск; факторы; среда; социальные изменения; социальное самочувствие

Введение

Специфическая группа работников, занятых в отраслях, отличающихся потенциальным риском для здоровья, представляет исследовательский интерес не только в рамках социоструктурного подхода, но и как объект изучения в предметном поле социологии риска. Анализ специфики адаптации к рискам повседневно-

ности, социального самочувствия, степени защищённости и удовлетворённости различными сторонами жизни граждан, занятых на вредных производствах, является важной и актуальной научной задачей. Результаты исследований, направленных на изучение этой категории граждан, обладают огромной практической значимостью.

Проведённый нами ранее сравнительный анализ данных мониторингового эмпирического исследования позволил выделить ряд специфических параметров, по которым отличается повседневность работников вредных производств от повседневности работников «безопасных» производств [Зорина, 2019].

В частности, установлено, что при наличии безусловно сходных параметров повседневного образа жизни работники вредных производств существенным образом отличаются отношением к допустимости риска [Зорина, 2019: 106]. Однако эмпирические данные, доступные на предыдущем этапе работы над темой, не дали возможности для более глубокого анализа субъективных установок, жизненного опыта респондентов, адаптивных стратегий и других факторов, связанных с оценками допустимости рисков социальных изменений представителями этой группы занятого населения.

В развитие тематики была поставлена исследовательская задача и собраны данные, позволяющие сфокусироваться непосредственно на специфике факторов, которые так или иначе могут быть связаны и даже детерминировать стратегии взаимодействия с изменениями социальной среды работников вредных производств. Эта категория трудоспособного населения занята в отраслях, где риски повседневности реальны и закреплены на законодательном уровне. Существенной особенностью является тот факт, что в таких отраслях имеются рабочие места и должности как связанные с вредным производством, так и безопасные. Это обстоятельство позволяет исследователю осуществить сравнительный анализ двух целевых групп респондентов совокупности ряда отраслей с признанным законодательно потенциально опасным производством, одна из которых выступит контрольной группой.

Эмпирическая база, методика

Эмпирическую базу анализа, предпринятого в статье, составляют данные одной из волн общероссийского репрезентативного исследования мониторингового типа¹. Целевая подвыборка под задачи исследования формирова-

¹ Использована база 27-й волны (2018 г.) «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)», проводимого Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел-Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. (Сайты обследования RLMS-HSE: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rfms> и <http://www.hse.ru/rfms>) (дата обращения: 15.06.2020).

лась в несколько этапов. На первом этапе из массива в 18 234 респондента мы отобрали взрослых работающих и получили 7907 человек. На следующем этапе работающие респонденты были сгруппированы по отраслям (вопрос анкеты: «*В какой отрасли Вы работаете?*») и по критериям оценки условий труда (оптимальные, допустимые, потенциальные, вредные и опасные производственные факторы). В каждой из этих групп есть респонденты, работающие как во вредных условиях труда, так и в безопасных. Критерием, по которому производился целевой отбор, был ответ на вопрос анкеты: «*Является ли производство, на котором Вы работаете, вредным или опасным, то есть дающим право на досрочное назначение трудовой пенсии, на дополнительные выплаты или льготы*».

Предварительный анализ показал, что критериям целевого отбора полностью удовлетворяют те отрасли, где риски жизни и здоровью *реальные*. Они были объединены в одну подгруппу отраслей, отличающихся потенциальной опасностью жизни и здоровью работников: военно-промышленный комплекс, энергетическая, нефтегазовая, тяжёлая и химическая промышленность. Как отмечалось выше, предварительный анализ данных показал, что в этих отраслях имеются как рабочие места с вредными условиями труда, так и рабочие места, выполнение должностных обязанностей на которых не связано с вредным воздействием, то есть вполне безопасные.

В итоге совокупность респондентов из названных выше отраслей была разделена на две целевые группы для дальнейшего сравнительного анализа. В понятийном поле социологии риска при субъектном уровне анализа принято выделять производителей риска, потребителей и категорию принимающих решения в области управления риском. В нашем конкретном исследовании субъект, относительно которого осуществляется анализ, принадлежит к категории *потребителей* риска. Однако одни реально испытывают вредное воздействие факторов риска, другие – условно, иначе говоря – по факту работы в отрасли с вредным производством. Целевая группа респондентов, должности которых соответствуют вредным условиям труда, численно составила 255 человек и получила обозначение «*реальные потребители риска*». Вторая группа – это респонденты, занимавшие «безопасные» должности, реально не испытывающие вредного воздействия производства. Численность этой целевой группы составила 593 человека и обозначена она как «*условные потребители риска*».

Результаты социологических исследований позволяют утверждать, что комплексным показателем субъективного отношения к риску выступает сформированная в процессе социализации общая стратегия взаимодействия с неопределённостью социальных изменений. Эта общая стратегия преломляется и в оценке рисков неблагоприятных исходов событий и процессов [Мозговая, 2019]. Методический подход к анализу данных в нашей статье строится на базовой установке респондентов по поводу стратегии поведения в ситуации навязываемого внешней средой риска. Исходным является положение о том, что центральным элементом адаптации выступает её цель, в которой «выражается

стремление субъекта выйти из состояния конфликта со средой» [Козырева, 2004: 18–19]. На начальном этапе анализа определяется *преимущественная* стратегия поведения респондентов в каждой целевой группе. Далее сравниваются целевые группы по нескольким блокам показателей с целью выявления различий в их образе жизни, которые могли бы повлиять на выбор той или иной стратегии адаптации к риску. Сравнение производится по следующим блокам показателей: социально-демографические характеристики, адаптированность в сфере трудовой деятельности, активность, адаптированность в социальной среде, личностные предпосылки отношения к риску. Детально признаки и их эмпирические индикаторы описываются в соответствующих разделах статьи.

Результаты исследования

Целевые группы: социально-демографические характеристики и стратегии адаптивного поведения

Адаптационные стратегии реализуются посредством различных способов адаптации: «конкретных социальных действий, поведения, поступков в нестандартных ситуациях» [Козырева, 2011: 7]. Специалисты в области социологии адаптации рассматривают её как процесс взаимодействия субъекта со средой, связывают с такими основными понятиями, как конфликт, ресурсы, цели, ценности, и выделяют два обобщённых типа адаптационного поведения – активный и пассивный. Активная стратегия адаптации соответствует стремлению субъекта изменить или сохранить текущее состояние среды, пассивная – следованию за развитием ситуации.

Активная адаптационная *рисковая* стратегия предполагает борьбу за снижение или редуцирование риска, а также отстранение, выход из опасной среды. Пассивная – принятие риска. Специфика адаптации к рискам различного типа состоит в том, что характер адаптации преимущественно принудительный, поскольку риск навязывается субъекту институциональной средой. Адаптация к риску, навязываемому средой, представляет собой вынужденную адаптацию, так как возникает в средах, жёстко диктующих свои условия субъекту адаптации. Вынужденная адаптация реализуется через защитное поведение, направленное на «самосохранение адаптанта – поддержание всеми возможными способами (но с разным успехом) status quo и связана с непременным изменением способов взаимодействия со средой при сохранении в целом старых, традиционных целей и ценностей» [Корель, 2005: 139].

В статье для определения отношения представителей двух анализируемых целевых групп к риску респондентам предлагалось охарактеризовать свои действия в ситуации вынужденной адаптации к *навязываемому* внешней средой риску, а именно – размещению в непосредственной близости от места их про-

живания вредного для природы и здоровья людей, нарушающего привычный уклад жизни предприятия, производственный процесс которого характеризуется технологическими рисками. Распределение ответов представлено в таблице 1.

Таблица 1

**Стратегии адаптивного поведения респондентов
в ситуации навязываемого средней риска, %**

Действия респондента	Потребители риска	
	«Реальные»	«Условные»
Ничего не будет делать, смирится	30,5	15,6
Организует коллективные обращения	5,8	5,2
Будет обращаться самостоятельно	3,7	4,8
Присоединится к организованным кем-то обращениям	50,6	59,4
Постарается переселиться в другое место	9,4	15,0

Представители целевой группы «реальных потребителей риска» декларируют явную стратегию *пассивной* адаптации, среди «условных потребителей риска» доля пассивных адаптантов ниже, а готовых к *активным* действиям для сохранения статус-кво или снижения риска – выше (активно-деятельностная адаптация). Позиция присоединения к активным действиям других участников проблемной жизненной ситуации, безусловно, представляет собой одну из стратегий адаптации к риску, причём самую распространённую, которую авторы статьи предлагают назвать активно-поддерживающей адаптацией.

Дальнейший анализ посвящён выявлению признаков и факторов, которые могут объяснить тот факт, что «реальные потребители риска» преимущественно пассивные адаптанты, а «условные потребители риска» – не просто активные, а активно-деятельные адаптанты.

В распределении респондентов по гендерному признаку есть как сходства, так и различия. В обеих группах преобладают мужчины, но в группе «условных потребителей риска» доля женщин больше, чем у «реальных потребителей риска», – 34,1 и 22% соответственно. На момент проведения исследования большинство респондентов в обеих группах работали (96,8–98%), остальные находились в декретном или оплаченном отпуске.

Возрастное распределение респондентов целевых групп различается: в интервале от двадцати пяти – сорока четырёх лет доля «реальных потребителей риска» составляет 65,8%, а «условных» – 56,5%; в возрастном интервале 45–69 лет доля «реальных потребителей риска» составляет 29,8%, а «условных» – 38,6%. Целевую группу «реальных потребителей риска» составляют более молодые респонденты, чем группу «условных». Среди «реальных потребителей риска» преобладают респонденты со средним (36,1%) и средним специальным (30,6%) образованием, тогда как у «условных потребителей риска» – с законченным высшим и выше (40,1%).

Семейное положение респондентов практически идентичное в обеих группах: большинство респондентов в двух группах состоят в браке. Никогда не состояли в браке в среднем 19%, разведены – 13%, вдовствуют меньше 3%.

В обеих группах большинство респондентов отмечают, что проживают в месте своего рождения. У большинства респондентов в обеих группах есть дети: доля в среднем составляет порядка 82%. У 38,8% «условных потребителей риска» дети старше 18 лет, доля таких респондентов в другой группе значительно ниже – 26%, что коррелирует с установленным ранее более молодым возрастом «реальных потребителей риска».

Адаптированность в сфере трудовой деятельности

Многими специалистами подчёркивается особая значимость социально-экономической адаптации [Мозговая, Шлыкова, 2019; Козырева и др., 2013].

В сфере трудовой деятельности продолжается формирование социальных навыков личности, основы которых закладывались на предыдущих этапах социализации. Степень адаптированности в сфере труда в значительной мере детерминирует процесс социальной адаптации в целом. Защищённость в сфере трудовой деятельности и удовлетворённость различными её аспектами, по опыту исследований, тесно связаны с жизненными стратегиями в целом и со стратегией адаптации к проблемным ситуациям, таящим в себе различные риски.

Исследования социологов Алтайского государственного университета показали, что незащищённость в трудовой сфере, неуверенность в стабильности занятости, прекращение трудовой деятельности снижают степень удовлетворённости жизнью в целом и обуславливают проблемы с реализацией адаптивных жизненных стратегий [Максимова, Максимов, 2015]. Защищённость в трудовой деятельности, удовлетворённость различными её сторонами представляют собой значимый ресурс адаптации к изменениям социальной среды, к неопределённости и рискам.

Прежде всего, проанализируем, насколько респонденты уверены в стабильности своей работы и, как следствие, материального положения. Анализ показывает, что уровень беспокойства по поводу потери работы достаточно высокий в обеих анализируемых группах: порядка 65,3% респондентов среди «условных потребителей риска» и 68,2% – среди «реальных». На этом же уровне и оценки степени беспокойства о невозможности обеспечить себя и свою семью самым необходимым в будущем. Уверены, что найдут работу, по 29,5% опрошенных в обеих группах, не уверены – порядка 47% респондентов.

Уверенность как показатель социального самочувствия тесно связана с доверием. Для нашего анализа важным является доверие респондентов руководству своего предприятия, коллегам по работе и доверие людям в целом. Чуть больше половины «реальных потребителей риска» считают, что «в отношениях с людьми надо быть осторожными», а одна треть – что доверие/недоверие зависит от человека, с которым общаешься, и от конкретной ситуации. Среди «условных

потребителей риска» так считают 47,3 и 40,5% соответственно. Респондентов, считающих, что большинству людей можно доверять, мало: 12,2% среди «условных потребителей риска» и 14,9% среди «реальных». Приходится признать, что недоверие к людям отличает респондентов обеих целевых групп. В ближнем круге – руководство предприятия, коллеги – степень доверия выше.

Анализ показал, что доверие руководству выше у «условных потребителей риска»: индекс доверия у них 9,5, а у «реальных» – 6,3 (индекс рассчитан как отношение доли доверяющих к доле не доверяющих руководству). Индекс доверия коллегам у «реальных потребителей риска» в 2 раза выше, чем у «условных».

Согласно самооценкам, большинство респондентов оценивает своё материальное положение как оставшееся без изменений. Доли тех, у кого материальное положение в разной степени ухудшилось, в группах равны. А среди заявивших об улучшении доля «реальных потребителей риска» незначительно выше: 23,9% против 17,3% «условных». И хотя большинство респондентов в обеих группах заявляют о неудовлетворённости своим материальным положением, доля довольных среди «реальных потребителей риска» также выше (29,8% к 20,5%).

Сравнительный анализ самооценок материального благосостояния семьи с позиции материальных возможностей показал, что в целом «реальные потребители риска» имеют больше возможностей для удовлетворения своих жизненных потребностей и более позитивно оценивают своё положение.

В таблице 2 представлено распределение *высоких* оценок удовлетворённости респондентов различными сторонами своей трудовой деятельности.

Таблица 2

Высокие оценки удовлетворённости различными сторонами сферы трудовой деятельности, %

Стороны трудовой деятельности	Потребители риска	
	«Реальные»	«Условные»
Работа	70,8	76,1
Условия труда	62,5	73,3
Оплата труда	47,4	45,6
Профессиональный рост	52,8	57,4

Как предполагалось, «реальные потребители риска» ниже оценивают удовлетворённость условиями труда. По предложенной оценочной шкале от «ученика до профессионала» респонденты обеих целевых групп в большинстве своём относят себя к профессионалам высокого класса: доля в каждой группе более 60%.

Адаптированность к социальной среде. Активность

В повседневной жизни человек постоянно взаимодействует с разными условиями и обстоятельствами, то есть с разными средами. В социологии в содержание этого понятия включают совокупность социальных условий жизнедеятель-

ности, оказывающих влияние на формирование и поведение личности [Риски трансформирующейся..., 2016]. Понятие социальной среды отражает теоретическое представление о социальной реальности, которая может быть структурирована по целому ряду критериев. Разделение макросреды и микросреды позволяет обращаться от социальной жизнедеятельности социума к совокупности условий и факторов, составляющих повседневность индивидов и групп.

В рамках тематики статьи нас интересует достаточно узкий аспект взаимодействия респондентов со средой, а именно – самоидентификация по ряду критериев, доверие социальным институтам в распределении технологических рисков, потребность в безопасности, активность.

Интересно определить, какое представление о себе в социальной среде имеют респонденты по критериям дохода, прав, статуса. Респондентам предлагались девятибалльные шкалы, где они могли бы поместить себя от «бедных к богатым», от «неуважаемых к уважаемым», от «бесправных к обладающим властью». Девятибалльную шкалу мы преобразовали в трёхбалльную и для анализа взяли среднее значение, тот диапазон, куда обычно помещают себя большинство респондентов. Результаты анализа показали, что на шкале дохода доля поместивших себя в середину шкалы «реальных потребителей риска» составляет 73,4%, «условных» – 60,8%; на шкале обладания правами – 60,3% против 56,4% соответственно; на шкале статуса – 38,7% против 42% соответственно. По доходу и по обладанию правами «реальные потребители риска» оценивают своё положение выше, а стало быть, и степень адаптированности в социальной среде у них выше.

Дополнительный анализ показал, что представители этой целевой группы в меньшей степени испытывали затруднения и в социальной сфере: в течение года перед опросом вынуждены были приобрести некачественные продукты 50,8% «реальных потребителей риска» и 66,3% «условных»; на нехватку денег на качественные продукты указали 40,2 и 48,4% соответственно; на недоступность многих видов медицинского обслуживания – 33,5 и 44,3% соответственно; на врачебные ошибки – 10,7 и 20,2% соответственно. Ощущения безопасности остро не хватает 15% «реальных потребителей риска» и 22% «условных».

Считают, что достижения высоких технологий доступны только небольшой группе населения, 52% «реальных потребителей риска» и 61% «условных»; что решения, связанные с риском для населения, принимают одни люди, а с последствиями сталкиваются другие, – 79 и 89% соответственно. При общем низком уровне социального доверия «реальные потребители риска» явно более адаптированы к социальной среде.

О степени социальной адаптации говорят данные об активности респондентов. Собственное дело никогда не пытались организовать подавляющее большинство опрошенных в каждой целевой группе (92%). Страхование жизни практикуют 17% «реальных потребителей риска» и 9% «условных».

Доля активных респондентов, защищающих свои права посредством участия в митингах, с помощью обращений в разные инстанции, выше среди «реальных потребителей риска».

В таблице 3 представлены данные о повседневных практиках респондентов, имеющих отношение к сохранению природы и здоровья людей.

Таблица 3

Повседневные практики респондентов, %

Повседневные практики	Потребители риска	
	«Реальные»	«Условные»
Экономят электроэнергию	54,7	61,3
Участвуют в субботниках по уборке территории	37,8	47,4
Экономят воду	51,0	60,6
Экономят бумагу	29,2	36,4
Сдают экологически вредные отходы, например: аккумуляторы, батарейки, градусники в пункты приёма	16,9	16,9
Фильтруют сами или используют воду из бутылок	40,3	54,9
Повышают уровень своих знаний в вопросе охраны окружающей среды	11,5	13,5
Участвуют в митингах, экологических акциях	2,0	1,9
Сообщают в соответствующие инстанции об обнаруженном вреде природе	9,5	6,6

Данные убедительно показывают, что «условные потребители риска» в реальной жизни реализуют значительно более осознанное самосохранительное и про-экологичное поведение. Это свидетельствует об их большей активности и реальных действиях по адаптации к запросам социальной среды.

Личностные предпосылки отношения к риску

Выбор стратегии взаимодействия с риском самым непосредственным образом связан с личностными особенностями индивидов, с жизненным опытом, с ценностями и целями и целым рядом других составляющих структуры личности [Мозговая, 2019]. В данной статье нам представляется возможность проанализировать такие факторы, как отношение респондентов к вере, опыт потерь, способность к адаптации, степень осуществления жизненных целей, субъективная значимость ряда жизненных ценностей.

Отношение к вере представляет собой существенную составляющую мировоззрения личности. Верующими без всяких оговорок считают себя 17,4% «реальных потребителей риска» и 23,2% «условных»; скорее неверующими – 21,1 и 14,3% соответственно; доли атеистов практически одинаковые – 7,7 и 8%; более половины респондентов в каждой группе скорее верят, чем отрицают веру.

Опыт жизненных потерь у респондентов обеих групп сходный: равные их доли столкнулись и с физическим ущербом (болезнь, смерть близких людей), и с материальным (утрата собственности). Но доля переживших такие виды ущерба, как потеря сбережений и потеря работы, у «условных потребителей риска» в 2 раза выше.

Адаптация к риску базируется на общей способности личности к взаимодействию с меняющимися условиями. В инструментарии опроса респондентам предлагалось оценить свои адаптивные способности по десятибалльной шкале. Согласно самооценкам, респонденты обеих групп охарактеризовали свои способности к адаптации как «средние»: 5–7 баллов. Доля отметивших, что «легко могут приспособиться к изменениям», существенно выше в группе «условных потребителей риска».

Вне зависимости от того, находятся респонденты в ситуации навязываемого риска или добровольного, первая реакция является эмоциональной. Сравнительный анализ показал, что *тревожность* как отличительная черта *восприимчивости* проблемных ситуаций в большей степени присуща «условным потребителям риска».

Вслед за эмоциональной реакцией наступает этап принятия решений. При решении проблем по три четверти респондентов в обеих группах пытаются сделать это самостоятельно.

Большинство респондентов утверждают, что ни при каких обстоятельствах нельзя принимать решения, которые могут привести к жертвам среди населения. Доля «условных потребителей риска», согласных с тем, что в мирное время можно принимать решения, приводящие к жертвам среди населения, несколько выше, чем «реальных», и составляет 17,6% против 13,9%.

Данные таблицы 4 иллюстрируют степень осуществления жизненных целей респондентов: от степени их реализации, от решения текущих задач зависит разнообразие поведенческих стратегий субъекта, а впоследствии и успешность адаптации к изменяющимся условиям среды.

Таблица 4

Степень осуществления жизненных целей, %

Степень осуществления жизненных целей	Потребители риска	
	«Реальные»	«Условные»
Осуществились полностью	8,8	9,8
Какие-то да, другие нет, и респондент не намерен их добиваться	18,0	20,6
Не всё получилось, но респондент уверен в том, что добьётся своего	58,4	54,7
Не всё получилось и респондент не верит, что может получиться	11,2	11,6
Ни одна из намеченных целей не осуществилась, но респондент будет их добиваться	2,8	2,6
Ни одна из намеченных целей не осуществилась и респондент не будет их добиваться	0,8	0,7

Существенных различий между представителями двух анализируемых групп не наблюдается. По трети респондентов в каждой группе не намерены добиваться намеченных целей.

Исследователи в области социологии и психологии личности отмечают взаимозависимость целей и ценностей. «Ценностные ориентации, жизненные цели и планы составляют ядро жизненной перспективы, без которого она утрачивает свою основную функцию — регулятивную» [Головаха, 2009: 267]. В рамках проблематики статьи нам важно проанализировать субъективную значимость ряда ценностей для представителей целевых групп. Для измерения значимости ценностей респондентам предлагалось высказаться по поводу того, чем они могли бы рискнуть ради достижения жизненно важной цели.

Рискнули бы независимостью в суждениях и оценках 19,6% «реальных потребителей риска» и 17,6% «условных»; интересной работой — 24 и 25,8% соответственно; служебным положением — 24,1 и 26,6%; счастливой семейной жизнью — 27,1 и 30,5%. Видимо, эти ценности не принадлежат к субъективно значимым на данном этапе жизни респондентов обеих целевых групп. Однако выявлены и те ценности, которые субъективно значимы для респондентов и ими они не рискнут ни при каких обстоятельствах: деньги и имущество; здоровье (физическое и психологическое); любовь, дружба; репутация (доброе имя); независимость в поступках. Важным результатом опроса представляется тот факт, что субъективной значимостью обладают сходные ценности как для «реальных», так и для «условных потребителей риска». На различие стратегий адаптации к риску, следовательно, этот личностный фактор не влияет.

Заключение

Основной целью исследования было выявление факторов, которые если не определяют, то существенным образом детерминируют стратегии адаптации к социальным изменениям «реальных» и «условных потребителей риска». Главный вывод, который позволяет сделать анализ, состоит в том, что уровень адаптированности в трудовой и социальной среде в большей мере, чем личностные факторы, влияет на выбор пассивного или активного поведения в ситуации навязанных средой модернизации, реформирования, трансформации. Анализ также свидетельствует, что уровень адаптированности в указанных сферах значимо связан с ресурсами — как с естественными, так и с приобретёнными в процессе социализации, с опытом жизненных потерь.

Для пассивных адаптантов (в данном исследовании — «реальных потребителей риска») характерен высокий уровень адаптированности к условиям трудовой и социальной среды. Доля респондентов в молодом возрасте среди них выше, чем у «условных», образование преимущественно среднее и среднее специальное, дети несовершеннолетние.

Доверие «реальных потребителей риска» руководству предприятия низкое, значительно выше уровень доверия коллегам по работе, что даёт основание утверждать, что вредные (опасные) условия труда способствуют формированию некоторой солидарности, следствием которой и выступает доверие. Удовлетворённость материальным положением, доходом, условиями труда в этой группе выше, чем у «условных потребителей риска». Выше у них и активность в использовании средств институциональной среды для защиты своих интересов.

Среди активных адаптантов (в данном исследовании — «условных потребителей риска») высокая доля женщин, возраст их выше 45 лет, образование преимущественно высшее, дети взрослые. Для этой группы характерны: высокий уровень доверия руководству предприятия и низкий — институциональной среде; низкая удовлетворённость материальным положением и социальной защищённостью; значительный опыт потерь в социальной сфере (работа, сбережения); высокая степень активности в простраивании способов адаптации в сфере про-экологичного и самосохранительного поведения.

Результат анализа данных исследования, который рассматривается нами как направление дальнейшей работы, состоит в следующем. Данные показывают, что активно-деятельностная и активно-поддерживающая стратегии адаптации ориентированы на развитие адаптационного потенциала, это продолжающийся процесс простраивания отношений с социальной средой на основе адаптивной заинтересованности, мотивации, наличия творческого целеполагания. Пассивная адаптационная рискованная стратегия демонстрирует, что процесс создания методов и способов взаимодействия с изменениями социальной среды практически завершён, мотивация на развитие адаптационного потенциала слабая и основной фактор, на наш взгляд, — это вредные условия труда, повседневный риск, потребовавший оперативного формирования стратегии поведения в ситуациях вынужденной адаптации к изменениям среды

Список литературы

Головаха Е. И. Жизненная перспектива и ценностные ориентации личности // Психология личности в трудах отечественных психологов: [хрестоматия] / Л. В. Куликов. 2-е издание, перераб. и доп. СПб.: Питер, 2009. С. 262–276.

Зорина А. Е. Образ жизни работников вредных производств: специфика адаптации к рискам повседневности // Социологическая наука и социальная практика. 2019. Том 7. № 3. С. 92–108. DOI: <https://doi.org/10.19181/snsp.2019.7.3.6691>

Козырева П. М. Процессы адаптации и эволюции социального самочувствия россиян на рубеже XX–XXI веков. М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2004. 320 с.

Козырева П. М. Доверие и его ресурсы в современной России. М.: Институт социологии РАН, 2011. 172 с.

Козырева П. М. Ресурсы и практики социально-экономической адаптации населения России / П. М. Козырева, А. Э. Низамова, А. И. Смирнов. М.: Новый хронограф, 2013. 328 с.

Корель Л. В. Социология адаптации: вопросы теории, методологии и методики. Новосибирск: Наука, 2005. 424 с.

Максимова С. Г., Максимов М. Б. Социально-экономические факторы межсубъектной адаптации с позиций трудового опыта старшего поколения // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2015. № 1 (123). С. 165–171.

Мозговая А. В. Идентификация, оценка и адаптация к риску в условиях неопределённости // Социологическая наука и социальная практика. 2019. Т. 7. № 4. С. 151–165. DOI: <https://doi.org/10.19181/snsp.2019.7.4.6808>

Мозговая А. В., Шлыкова Е. В. Адаптация к неопределённости среды: ресурсы жителей больших городов // Logos et Praxis. 2019. Т. 18. № 3. С. 124–130. DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2019.3.13>

Риски трансформирующейся среды обитания: проблемы исследования и управления: монография / Ю. А. Зубок, В. И. Чупров, И. С. Шаповалова [и др.]; отв. ред. Ю. А. Зубок. Белгород: Эпицентр, 2016. 208 с.

Дата поступления в редакцию: 16.08.2020. Принята к печати: 08.09.2020.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Зорина Анна Евгеньевна – кандидат социологических наук, научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

E-mail: annacur@yandex.ru

AuthorID РИНЦ: 170158

Мозговая Алла Викторовна – доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

E-mail: mozgovai@yandex.ru

AuthorID РИНЦ: 71630

DOI: 10.19181/snsp.2020.8.4.7656

Employees of Harmful Industries: Outside World and Personal Factors of Adaptation to Social Changes

Anna E. Zorina¹, Alla V. Mozgovaya¹

¹Institute of Sociology of FCTAS RAS.

24/35, b. 5, Krzhizhanovskogo str., Moscow, Russia, 117218

For citation: Zorina A. E., Mozgovaya A. V. (2020). Employees of harmful industries: outside world and personal factors of adaptation to social changes. *Sociologicheskaja nauka I social'naja praktika*. Vol. 8. № 4. P. 54–68. DOI: 10.19181/snsp.2020.8.4.7656

Abstract. The object of research, the results of which are analyzed in the article, are employees of a number of industries with harmful production, where the risks are fixed at the legislative level. This category is commonly referred to as «risk consumers». The empirical base consists of data 27th «waves» (2018) «The Russian Monitoring of Economic Situation and Population Health, HSE (RLMS-HSE)».

The purpose of the study was to identify factors that may be related to, or even determine, interaction strategies with changes in the social environment of employees of harmful industries. In the aggregate of employees of industries with harmful working conditions, two target groups were formed: those who actually experience harmful effects of risk factors and conditionally, after working in an industry with harmful production («real» and «conditional» risk consumers). The methodological approach to data analysis in the article is based on the basic attitude of respondents about the strategy of behavior in a situation of risk imposed by the external environment. The preferred strategy of respondents' behavior in each target group is determined. Further analysis is devoted to identifying signs and factors that can explain the fact that «real risk consumers» are mainly passive adaptants, «conditional risk consumers» are not just active, but actionly-active adaptants.

The main conclusion that the analysis allows to make is that the level of adaptation of employees of harmful industries in the social environment and in the sphere of work to a greater extent than personal factors affects the choice of passive or active behavior in a situation of risk imposed by the environment.

Keywords: harmful production; adaptation; risk; factors; outside world; social changes; social well-being

REFERENCES

- Golovaha E. I. (2009). Zhiznennaya perspektiva i tsennostnye orientatsii lichnosti. [Life perspective and value orientations of the individual]. *Psikhologiya lichnosti v trudah otechestvennykh psikhologov*. SPb.: Izdatel'stvo «Piter». P. 262–276. (In Russ.).
- Zorina A. E. (2019). Obraz zhizni rabotnikov vrednykh proizvodstv: spetsifika adaptatsii k riskam povsednevnosti. [Lifestyle employees of hazardous industries: the specificity of adaptation to the risks of everyday life]. *Sociologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*. Tom 7. № 3. P. 92–108. DOI: <https://doi.org/10.19181/snsp.2019.7.3.6691> (In Russ.).
- Kozyreva P. M. (2004). *Protsessi adaptatsii i evolyutsiya sotsial'nogo samochuvstviya rossiyan na rubezhe XX-XXI vekov*. [Adaptation processes and social wellbeing evolution of Russians at the turn of XX-XXI centuries]. M.: Tsentr obshchechelovecheskih tsennostey publ., 320 p. (In Russ.).
- Kozyreva P. M. (2011). *Doverie i ego resursy v sovremennoy Rossii*. [Trust and its resources in modern Russia]. M.: Institut sotsiologii RAN publ., 172 p. (In Russ.).
- Kozyreva P. M., Nizamova A. E., Smirnov A. I. (2013). *Resursy i praktiki sotsial'no-ekonomicheskoy adaptatsii naseleniya Rossii*. [Resources and practices of socio-economic adaptation of the Russian population]. M.: Novyy khronograf publ., 328 p. (In Russ.).
- Korel' L. V. (2005). *Sotsiologiya adaptatsii: voprosy teorii, metodologii i metodiki*. [Sociology of adaptation: questions of theory and methodology]. Novosibirsk: Nauka publ., 424 p. (In Russ.).
- Maksimova S. G., Maksimov M. B. (2015). Sotsial'no-ekonomicheskie factory mezhsob'ektnoy adaptatsii s pozitsiy trudovogo opyta starshego pokoleniya. [Socio-economic factors of intersubjective adaptation from the perspective of the work experience of the older generation]. *Vestnik Altayskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*. № 1(123). P. 165–171. (In Russ.).
- Mozgovaya A. V. (2019). Identifikatsiya, otsenka i adaptatsiya k risku v usloviyah neopredelennosti. [Identification, assessment and adaptation to risk in conditions of uncertainty]. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*. Vol. 7. № 4. P. 151–165. DOI: <https://doi.org/10.19181/snsp.2019.7.4.6808> (In Russ.).
- Mozgovaya A. V., Shlykova E. V. (2019). Adaptatsiya k neopredelennosti sredy: resursy zhitel'ey bol'shikh gorodov [Adaptation to the uncertainty of the environment: resources of big cities residents]. *Logos et Praxis*. T. 18. № 3. P. 124–130. DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2019.3.13> (In Russ.).

Riski transformiruyushcheyasya sredy obitaniya: problemy issledovaniya i upravleniya: monografiya. (2016). [Risks of a transforming habitat: research and management problems: monograph]. Ed. by Yu. A. Zubok. Belgorod: «Epitsentr» publ., 208 p. (In Russ.).

The article was submitted on August 16, 2020. Accepted on September 08, 2020.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Zorina Anna Evgenevna – Candidate of Sociology, Researcher,
Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia.

E-mail: annacur@yandex.ru

OrcidID: 0000-0002-6619-4835

Researcher ID: ABC-7582-2020

Mozgovaya Alla Viktorovna – Doctor of Sociology, Leading Researcher,
Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia.

E-mail: mozgovai@yandex.ru

OrcidID: 0000-0001-6810-5931

Researcher ID: ABD-3432-2020